

НАРОДНЫЙ ЕВРЕЙ
**СОВЕТСКОГО
 СОЮЗА**

Николай Троицкий

ВЕЛИКИЙ АКТЕР СОЛОМОН МИХОЭЛС НЕ ПРОСТО ЦЕЛИКОМ И ПОЛНОСТЬЮ ПРИНАДЛЕЖИТ СОВЕТСКОМУ XX ВЕКУ. В ЕГО СУДЬБЕ ОТРАЗИЛСЯ САМЫЙ СЛОЖНЫЙ И ТРАГИЧЕСКИЙ ОТРЕЗОК ИСТОРИИ СТРАНЫ. НОВАЯ ВЛАСТЬ, ПРИШЕДШАЯ ПОСЛЕ 1917 ГОДА, СНАЧАЛА ЕГО ВОЗНЕСЛА, А ЗАТЕМ УБИЛА. БОЛЕЕ ТОГО – СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ И ЛИЧНО ТОВАРИЩ СТАЛИН ВОВЛЕКЛИ АРТИСТА В ГРАНДИОЗНУЮ ПОЛИТИЧЕСКУЮ АФЕРУ, КОТОРАЯ СТОИЛА ЕМУ ЖИЗНИ.

Если бы не Октябрьская революция, никогда Соломон Вовси не стал бы Михоэлсом (это был его сценический псевдоним). В Российской империи, приняв крещение, он мог бы вырваться из черты оседлости, стать адвокатом или врачом. Но отнюдь не прославленным актером. И шекспировского короля Лира не сыграл бы с такой специфической внешностью. А о Государственном еврейском театре (ГОСЕТе) и речи быть не могло. Советская власть дала Михоэлсу многое – звание народного артиста СССР, орден Ленина, популярность. Но в то же время чиновники нагрузили и перегрузили

актера общественной работой. Ни один видный деятель культуры не мог этого избежать. И пришлось Михоэлсу состоять в комитете по Сталинским премиям, быть депутатом Моссовета, сидеть в президиумах, регулярно посещать государственные приемы в Кремле.

Он старательно исполнял все эти обязанности. Но иногда по-своему бунтовал и фрондировал.

Яркий эпизод приводит в книге «Мой отец Соломон Михоэлс» его дочь Наталья:

«Около четырех раздался телефонный звонок. «Это квартира Михоэлса? С вами говорит летчик М. – услышала я прославленную фамилию. – Вы не скажете мне ваш адрес, а то ваш папаша немного выпивши, адрес свой позабыл». Полчаса спустя отец появился в сопровождении легендарного летчика. «Вот вам папаша, в целости и сохранности. Он там сегодня немножко того... свистел», – понизив голос, он тихо свистнул...

Была у папы такая непонятно откуда взявшаяся у сына хасида блатная манера: немного выпив, он, если ему что-то не нравилось, любил вложить четыре пальца в рот и оглушительно свистнуть... Но свистеть в Кремле? На официальном приеме?!»

Случилась эта веселая история в злощастном 1937 году. Никаких последствий она не имела. Тридцатые годы были порой расцвета и славы для Михоэлса и Государственного еврейского театра, художественным руководителем которого он был назначен после того, как

*Lent loreet lore er ad ese eui tin ulla am, quat.
 Commiat vullan vero con volesto consequi exer
 sendignit dunt luptat. Sum dolummodo dolummy
 nummy nit*

организатор театра, выдающийся режиссер Алексей Грановский не вернулся в Союз с зарубежных гастролей.

Но и этот возмутительный по советским понятиям факт никак не повредил театру. Переполненный зал, аплодисменты и восторги публики и критики сопровождали почти все постановки.

Репертуар был по преимуществу национальный, сугубо еврейский. Собственно говоря, ГОСЕТ создавался наряду с некоторыми другими такими же, например цыганским театром «Ромэн», не просто как театр, а как центр национальной культуры. Туда принимались только актеры и актрисы, владеющие языком идиш. Естественно, это ограничивало возможности труппы, тем более что в ГОСЕТе не работали выдающиеся режиссеры, которых тогда было много в СССР.

Театр был не режиссерский, а сугубо актерский, то есть вполне реалистический – некому было изобретать «формалистические» изыски. Более того, театр держался на двух великих актерах – Соломоне Михоэлсе и его постоянном партнере Вениамине Зускине. Они умели настолько интересно трактовать образы главных героев классика еврейской прозы Шолом-Алейхема и пьес молодых национальных драматургов, что это восполняло нехватку, а иногда и откровенную беспомощность режиссуры. И даже позволило братья за лучшее в мировой драматургии.

В 1934 году Соломон Михоэлс осуществил свою юношескую мечту – сыграл короля Лира в трагедии Шекспира, благодаря чему приобрел международную известность. 1935-й был объявлен в СССР «го-

дом Шекспира», в Москву прибыли театральные деятели со всего мира, и Лир Михоэлса произвел на них сильнейшее впечатление. «Со времен моего великого учителя Генри Ирвинга я не помню актерского исполнения, которое потрясло бы меня так глубоко, до основания... Я не умею и не люблю говорить комплименты, но, какие бы похвалы ни были сформулированы по адресу актера Михоэлса, это не будет преувеличением», – писал прославленный английский режиссер и теоретик театра Гордон Крэг.

С репертуаром ГОСЕТа возникли и забавные коллизии. Так, чиновники из Комитета по делам искусств периодически требовали от Михоэлса освоить русский классический репертуар, например поставить гоголевского «Ревизора». Соломон Михайлович всячески отказывался, и отнюдь не потому, что не ценил русскую классику, напротив, он ее очень любил и хорошо знал. Но он полагал,

*Lent loreet lore er ad ese
eui tin ulla am, quat.
Commodiat vullan vero
con volesto consequi
exer sendignit dunt
luptat. Sum dolummodo
dolummy nummy nit*

что абсурдно ставить Гоголя и других классических авторов на идише, тем более когда рядом идут потрясающие спектакли Малого, МХАТа и других театров. «Как я могу играть русских, когда даже руки, даже пальцы у меня еврейские!», – не раз говорил он своей дочери. Но чиновники не отставали. И вот однажды, в Центральном доме работников искусства, при стечении самой блистательной публики во главе с Немировичем-Данченко,

Михоэлс и Вениамин Зускин сыграли сцену Осипа и Хлестакова из «Ревизора». Судя по воспоминаниям очевидцев, это было настолько блистательно, что вир-публика стонала от смеха и разразилась долгими, продолжительными аплодисментами. В то же время гротескное звучание гоголевского текста на идише навсегда отбило охоту у чиновников требовать от Михоэлса играть русский репертуар.

«Короля Лира» Михоэлс трактовал как вненациональную трагедию, библейскую притчу (хотя официально предпочитал умалчивать о такой идеологически сомнительной трактовке), и там национальный колорит принципиального значения не имел. Шекспир всегда был особенно близок Михоэлсу, он мечтал сыграть Ричарда Третьего, Шейлока в «Венецианском купце». Но не успел.

В суровые сталинские годы Михоэлс, конечно, видел и понимал, что происходит в стране. Он много раз пытался заступаться за репрессированных и арестованных, используя свое громкое имя и высокое звание. Иногда получалось.

Дома он не скрывал от близких своего негодования и страха. Сам, однако, был человеком мирным, лояльным и, несмотря на все свои общественные нагрузки, бесконечно далеким от политики.

Но вот началась Великая Отечественная война, и пришлось народному артисту Михоэлсу заняться политикой, причем сразу в международных масштабах. Точнее – политика занялась им. Что его впоследствии и погубило.

В 1943 году Михоэлсу поручили особо ответственную общественную работу – включили в Еврейский антифашистский комитет (ЕАК) и отправили в США, Канаду, Мексику и Великобританию с важным заданием: рассказывать о нацистских зверствах с еврейским населением и убеждать зарубежные еврейские организации помочь деньгами Советскому Союзу. Он встречался с великим Альбертом Эйнштейном, с государственными и общественными деятелями.

При этом пришлось неожиданно от-

MET DOLOBOR SE
MING EUM IURE ESTIS
ACILLANDRE MOLOR IN
UT NULPUTAT. ULPUT LA
COMMODOLORE DIT LOR
ATEM IP ET ATETUM EA
COREET DOLORE

крыть в себе дипломатические таланты: в Лондоне у Михоэlsa выпытывали, как СССР отнесется к созданию Эрец-Исраэль, еврейского государства в Палестине, которая на тот момент была английской колонией. Тема была предельно деликатной, актер не был уполномочен советским руководством высказываться по такому щекотливому вопросу, но пришлось выкручиваться...

Актер блестяще справился с задачей. Он сумел ответить и уклончиво, и твердо: «Война далеко еще не кончена. Судьбы народов висят в воздухе. В этой ситуации наше правительство не заинтересовано портить отношения с Англией. А ведь, как вам хорошо известно, проблема Эрец-Исраэль касается обеих наших стран. Если Англия решит создать Еврейскую республику, с советской стороны наверняка никаких препятствий не будет...»

За свою международную дипломатию Михоэлс впоследствии расплатился головой. После войны, в 1949 году, Еврейский антифашистский комитет был разгромлен. Многие историки утверждают, что под конец жизни Сталин ударился в антисемитизм. Вполне возможно, если вспомнить национальную окрашенность пресловутого «Дела врачей-убийц», под которое попал, кстати, двоюродный брат Михоэlsa, главный терапевт Советской армии Мирон Вовси. Но в истории с ЕАК это не играло принципиальной роли. Комитет мог быть хоть армянским, хоть удмуртским, судьба его была предрешена.

Сталин с болезненной подозрительностью относился ко всем отечественным организациям, имевшим разветвленные международные связи, даже самым безобидным, вроде эсперантистов или филателистов. А тут – целая контора, специально созданная, чтобы наводить и укреплять эти международные связи. Пока в ней была необходимость, ее использовали. А затем всех членов ЕАК объявили шпионами и расстреляли или отправили в лагерь.

Всех, кроме Михоэlsa. Он был тайно убит до этого, в 1948 году в Минске.

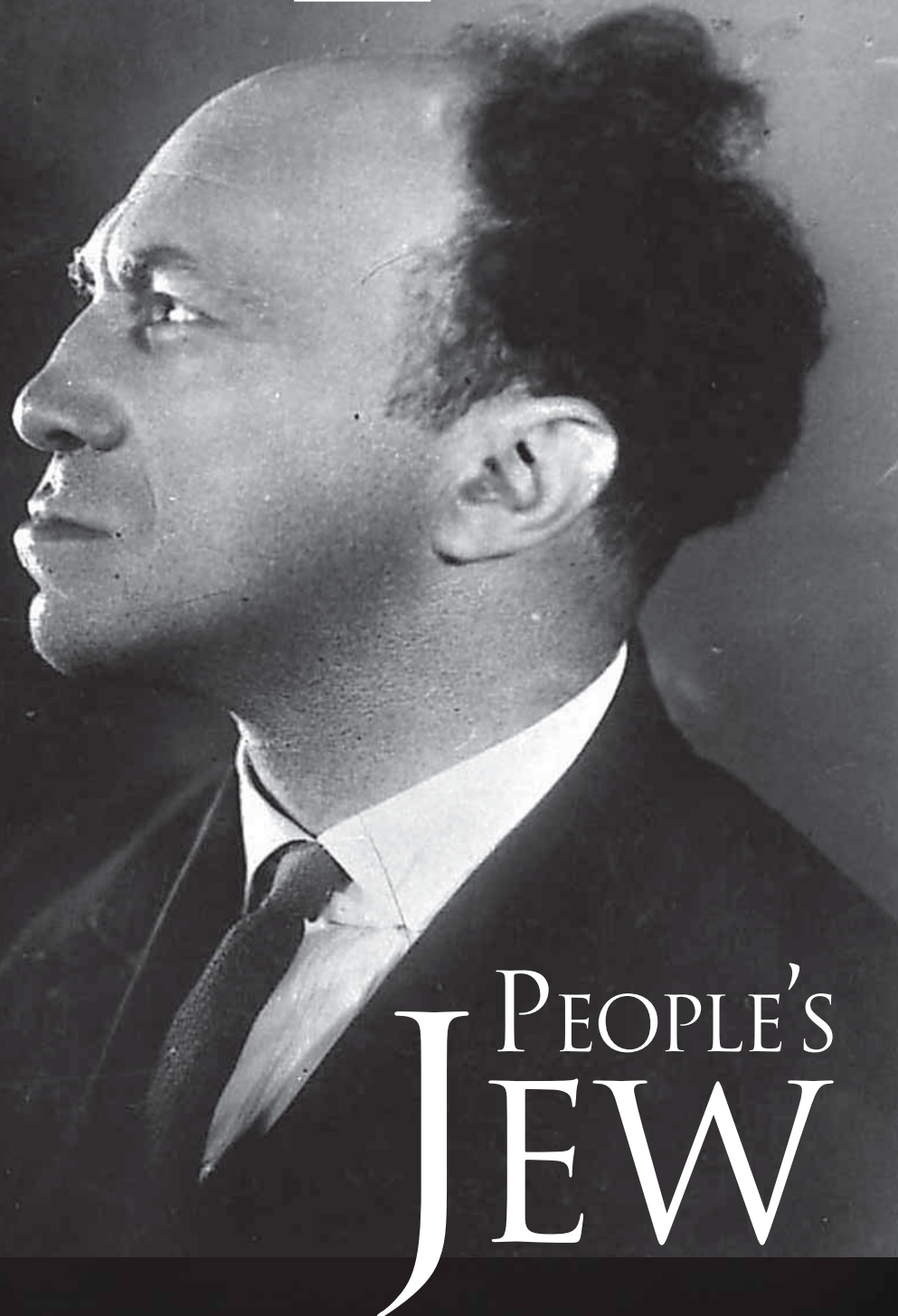
Его смерть объяснили несчастным случаем, самого народного артиста СССР удостоили официальных государственных похорон по высшему разряду, а Государственному еврейскому театру присвоили его имя.

Почему ради актера было сделано столь красноречивое исключение? Некоторые поступки «вождя народов» с трудом поддаются логическому объяснению. Но в данном случае, наверное, помешал международный авторитет, завоеванный Михоэлсом во время той зарубежной поездки, после которой прошло всего пять лет. Даже Сталин вынужден был с этим считаться.

Потом, посмертно, задним числом, в начале 1953 года недавнего фактического полномочного посла СССР при международных еврейских организациях все-таки объявили шпионом. Его имя вычеркнули из истории. Но ненадолго. Уже в апреле того же года, после смерти вождя, Лаврентий Берия отправил в Президиум ЦК КПСС секретный доклад, где подробно изложено, кто и как убивал артиста по прямому указанию с самого верха. С душераздирающими деталями: «Было решено Михоэlsa через агентуру пригласить в ночное время в гости к каким-либо знакомым, подать ему машину, привезти на территорию загородной дачи Цанавы Л.Ф. (главы МГБ Белоруссии. – Н.Т.), где ликвидировать, а потом труп вывезти на малолюдную (глухую) улицу города, положить на дороге, ведущей к гостинице и произвести наезд грузовой машиной... Так было и сделано».

В перестройку этот документ стал достоянием гласности. Одну из копий передали дочерям Соломона Михоэlsa. Между прочим, когда они уехали в Израиль, то обнаружили, что там их отца никто не знает, кроме таких же эмигрантов из СССР. Слава его осталась на родине. Здесь регулярно проводится фестиваль искусств его имени. Истинно народный артист, он вошел в пантеон отечественного искусства, и оттуда его имя уже не вычеркнуть.

PEOPLE'S
JEW
 OF THE SOVIET UNION

Nikolai Troitsky

THE GREAT ACTOR SOLOMON MIKHOELS DOES NOT SIMPLY BELONG TO THE SOVIET 20TH CENTURY BODY AND SOUL. THE MOST DIFFICULT AND TRAGIC PERIOD OF THE COUNTRY'S HISTORY FOUND ITS REFLECTION IN HIS FATE. THE NEW GOVERNMENT THAT CAME TO POWER AFTER 1917 BUILT HIM UP AT FIRST AND THEN DESTROYED HIM. MOREOVER, IT WAS THE SOVIET POWER AND COMRADE STALIN PERSONALLY THAT DREW THE ARTIST INTO AN AMBITIOUS POLITICAL GAMBLE THAT ENDED UP COSTING HIM HIS LIFE.

If it weren't for the October Revolution, Solomon Vovsi would never have become Mikhoels (that was his stage name). Under the Russian Empire, if he had been baptized, he could have broken out of the Pale of Settlement, become a lawyer or a doctor. But not a famed actor, not by any means. And he never would have played the part of Shakespeare's King Lear with a face like that. And having an organization like the Moscow State Jewish Theatre (GOSET) would have been completely out of the question. The Soviet power gave much to Mikhoels – the title of the People's Artist of the USSR, the Order of Lenin, popularity. At the same time, though, the bureaucrats burdened and overburdened the actor with social duties. This was something no prominent cultural figure could avoid. And Mikhoels was forced to be a member of the Stalin Prize Committee, a Mossovet deputy, sit on panels, regularly attend

state banquets at the Kremlin. He diligently performed all these duties. But occasionally he rebelled in his own way and expressed discontent. His daughter Natalia recalls the following dramatic episode in her book "My Father Shlomo Mikhoels": "A phone call came about four o'clock. 'Is this the apartment of Solomon Mikhoels? This is pilot M. speaking,' a famous name came over the phone. 'Would you mind giving me your address, because your father is a little drunk and forgot where he lives.' Half an hour later my father showed up, accompanied by the legendary aviator. 'Here is your father, safe and sound. He was, er... whistling there a bit today,' the aviator lowered his voice and gave a quiet whistle... Dad had this vulgar manner, extremely unusual for the son of a Hasid: whenever he would get a little drunk, if there was something he didn't like, he would put four fingers into his mouth and let out a deafening whistle... But whistling in the Kremlin? At a formal banquet?!" This amusing story took place in the sinister 1937. Nothing had come to Mikhoels for that. 1930s were the time of prosperity and fame for Mikhoels and the State Jewish Theatre, where he became the artistic director after the theatre's founder, the legendary director Alexei Granovsky did not return to the Soviet Union from his tour abroad. Yet even that fact, outrageous by Soviet standards, did not hurt the theatre. Virtually every production was received by a packed audience, applause and delight on the part of the public and critics. The theatre's repertoire was, for the most part, ethnic, purely Jewish. Strictly speaking, GOSET, along with several other similar theatres, such as the Gypsy Theatre Romain, for instance, was founded as an ethnic cultural centre more so than just a simple theatre. Only actors and actresses, who spoke Yiddish, were hired there. Naturally, this limited the theatre company's abilities, all the more so because prominent directors, though there were many in the USSR at the time, did not work at GOSET.

It was strictly an actor's theatre, not a director's one, which meant it was fairly realistic – there wasn't anyone there to invent “formalistic” indulgences. Moreover, two great actors – Solomon Mikhoels and his constant partner Benjamin Zuskin – were the theatre's backbone. They could interpret the main characters of Sholem Aleichem's Jewish prose and works by young national playwrights in such an interesting manner that it fully made up for the lack and sometimes just plain ineptitude of direction. It even allowed them to take on some of the best works of world drama.

In 1934, Solomon Mikhoels fulfilled his teenage dream – he played the part of King Lear in Shakespeare's tragedy, thereby acquiring international fame. The year 1935 was declared the “Year of Shakespeare” in the USSR. Theatre figures from all over the world came to Moscow, and Mikhoels' Lear made quite an impression on them. The famed British director and theatre theoretician Gordon Craig wrote, “From the time of my great teacher Henry Irving I do not recall a performance that stirred me as profoundly, to the core... I do not know how to pay compliments, nor do I like to, and yet no praise of the actor Mikhoels would be an exaggeration.”

There were some amusing conflicts over GOSET's repertoire as well. Thus officials from the State Committee of the Arts periodically demanded that Mikhoels master Russian classical repertoire, that he stage Gogol's “The Inspector General,” for example. Solomon Mikhailovich found every possible way to refuse, and not because he didn't

value Russian classics. Quite the opposite, he loved them very much and knew them well. But he believed that staging Gogol and other classical authors in Yiddish was absurd, especially, when the Maly, the Moscow Art Theatre and other theatres were staging such amazing productions nearby.

“How can I play Russians, when even my hands, my fingers even are Jewish!” he would tell his daughter. Yet the officials wouldn't let it go. And so one day, the most illustrious audience with Nemirovich-Danchenko in the lead came together at the Centre for Artists and Performers and was treated to a scene between Osip and Khlestakov from “The Inspector General,” performed by Mikhoels and Benjamin Zuskin. Based on the recollections of those present, the performance was so brilliant that the VIP audience was moaning with laughter and burst into loud, lasting applause. At the same time, the grotesque way Gogol's text sound-

MET DOLOBOR SE
MING EUM IURE ESTIS
ACILLANDRE MOLOR IN
UT NULPUTAT. ULPUT LA
COMMODOLORE DIT LOR
ATEM IP ET ATETUM EA
COREET DOLORE

ed in Yiddish has forever cured the officials of all desire to demand that Mikhoels perform Russian repertoire.

Mikhoels interpreted “King Lear” as a transnational tragedy, a Biblical parable (though, officially, he preferred to keep such an ideologically questionable interpretation under wraps), and, therefore, ethnic flavour was not a matter of principle there. Shakespeare was always particularly dear to Mikhoels. He dreamed of playing the part of Richard III, Shylock in “The Merchant of Venice.” But he ran out of time.

*Lent loreet lore er ad ese eui tin ulla am, quat.
Commodiat vullan vero con volesto consequi exer
sendignit dunt luptat. Sum dolummodo dolummy
nummy nit*

Mikhoels, undoubtedly, saw and understood what was happening in the country during the oppressive Stalin years. He tried many times to intercede on behalf of those arrested and persecuted for political reasons, using his famous name and distinguished title. Occasionally, he was successful.

At home, with his family, he made no secret of his indignation and fear. Yet he was a peaceful, loyal individual and was as far removed from politics as was possible for any man to be, despite all of his social duties.

But then the Great Patriotic War began, and the People's Artist Mikhoels was forced into politics, and right away on an international scale, no less. Or, to be more precise, politics was forced onto him. Which is what later caused his demise.

In 1943, Mikhoels was given a particularly important social task. He was made part of the Jewish Anti-Fascist Committee (JAC) and was sent to the U.S., Canada, Mexico, and Great Britain with an important task: to tell them about Nazi brutalities against the Jewish population and to convince foreign Jewish organizations to donate money to the Soviet Union. He met with the great Albert Einstein, with political and public figures.

In doing so, he was also forced to suddenly discover within himself a penchant for diplomacy: in London Mikhoels was questioned repeatedly as to what the USSR's attitude would be toward the creation of Eretz-Israel, a Jewish state in Palestine, which was a British colony at the time. The subject was extremely delicate; the actor was not authorized by the Soviet leadership to express his opinions on such a sensitive issue, but he had to say something, to find a way out...

The actor handled his task brilliantly. He managed to respond both vaguely and firmly: “The war is far from over. The fates of many people are hanging in the balance. In a situation like that, our government does not wish to upset the relations

*Lent loreet lore er ad ese eui tin ulla am, quat.
Commodiat vullan vero con volesto consequi exer
sendignit dunt luptat. Sum dolummodo dolummy
nummy nit*

with England. And, as you well know, the Eretz-Israel problem concerns both our countries. If England decides to create a Jewish republic, there will certainly not be any objections on the Soviet side..."

Mikhoels would later pay for his international diplomacy with his head. After the war, in 1949, the Jewish Anti-Fascist Committee was destroyed. Many historians claim that Stalin took to anti-Semitism toward the end of his life. It is quite possible, especially, if you recall the ethnic tinge to the infamous "Doctors' Plot" affair. Mikhoels' cousin Miron Vovsi, the chief physician of the Soviet Army, was one of the persons arrested in connection with that case. But it didn't play a crucial role in the fate of the JAC. The Committee could have been Armenian or Udmurt; it didn't matter – its fate was sealed.

Stalin was painfully suspicious of all domestic organizations that had far-reaching international ties, no matter how innocent they were, like the Esperantists or philatelists, for instance. And here was an entire office, created expressly for the purpose of establishing and strengthening those same international ties.

While there was a need for it, they used it. And then they declared all JAC members spies and executed them or sent them to labour camps.

All, except for Mikhoels. He was killed in secret prior to that, in 1948, in Minsk. His death was explained as an accident. The People's Artist of the USSR was given official state funeral with all the pomp and

ceremony, and the State Jewish Theatre was named after him.

Why was such a conspicuous exception made for an actor? Some of the actions of the "leader of the peoples" are hard to explain logically. The reason in this case, though, was probably Mikhoels' international prestige, which he has gained during that trip abroad five years prior. Even Stalin was forced to reckon with that.

Later, posthumously, post factum, in early 1953, a man who, until very recently, was virtually a plenipotentiary ambassador of the USSR with international Jewish organizations, was finally declared a spy. His name was scratched from history. But not for long. Already in April of that same year, following the leader's death, Lavrentiy Beria sent a secret report to the CPSU Central Committee, which detailed who and how had murdered the artist on direct orders that came from the very top. There were harrowing details: "It was decided to invite Mikhoels over to an acquaintance. The invitation was to come through the agency and at nighttime. A car was to be sent for him, he was to be taken to a country dacha of L.F. Tsanava (head of the Belarusian Ministry of State Security – N.T.), where he was to be liquidated. His corpse was to then be taken to a deserted (remote) city street, placed on the road that leads to the hotel and run over by a truck... That is what was done."

During perestroika, this document became public. One of the copies was given to Solomon Mikhoels' daughters. By the way, when they immigrated to Israel, they discovered that nobody knew their father in that country, except for other immigrants from the USSR. His fame was left behind in his native land. An art festival named after him is conducted here on a regular basis. A true people's artist, he entered the hall of fame of domestic art, and from there his name can no longer be scratched.

